

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

Край вечной войны

**Александр Козин
Маргарита Микрюкова
Святослав Максимов
Дмитрий Олегович Силлов
Андрей Амелянович
Вадим Анатольевич Филоненко
Алексей Лагутенков
Дмитрий Юрьевич Манасыпов
Андрей Левицкий
Роман Мельников
Владислав Валерьевич Выставной
Ксения Сигаева
Шамиль Алтамиров
Никита Аверин
Роман Владимирович Куликов
Михаил Мухин**

Кремль 2222. Край вечной войны (сборник)
Серия «Кремль 2222»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6689102
Кремль 2222. Край вечной войны: [Фантастические рассказы].: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083526-3*

Аннотация

Невероятный успех «Легенд выживших», первого сборника рассказов проекта «Кремль 2222», породил настоящий взрыв фан-творчества, прокатившийся не только по России, но и по всему миру. Русскоязычные писатели из многих стран спешили принять участие в Четвертом литературном конкурсе, результатом которого стали новые замечательные рассказы как известных мастеров фантастики, так и талантливых авторов, публикующихся впервые.

Вас ждет возвращение в мир постъядерной Москвы, где живут и воюют боевые роботы, загадочные киборги, коварные шаманы, кровожадные орды человекообразных мутантов-нео и простые дружинники Кремля, защитники древней крепости. Но в этом краю вечной войны зачастую побеждает не оружие, а верная дружба, искренняя любовь, и вера в то, что мир, выжженный Последней войной человечества, обязательно возродится.

Содержание

Дмитрий Силлов	5
Андрей Левицкий	10
Владислав Выставной	16
Роман Куликов	24
Вадим Филоненко	31
Дмитрий Манасыпов	46
Раньше	48
Сейчас	54
Намного раньше	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

А. Козин, М. Микрюкова, С. Максимов, Д. О. Силлов, А. Амелянович, В. А. Филоненко, А. Лагутенков, Д. Ю. Манасыпов, А. Левицкий, Р. Мельников, В. В. Выставной, К. Сигаева, Ш. Алтамиров, Н. Аверин, Р. В. Куликов, М. Мухин. «Кремль 2222. Край вечной войны (сборник)»

Кремль 2222. Край вечной войны (сборник)

© Коллектив авторов

© ООО «Издательство АСТ»

Дмитрий Силлов Туман

Бывает такое – ляжет на землю предрассветный туман, словно одеяло толстенное. Глянешь с кремлевской башни, а вся земля будто в молочной взвеси утонула, ничего не видать. Шама другой туман ставят, тот на стену похож, за которой нечисть всякая прячется. А этот туман обычный, неопасный, хотя заблудиться в нем можно – только в путь.

Случилось так, что Федор в таком вот тумане и заплутал. Вышли еще затемно небольшим отрядом, железа в развалинах поискать. А как светать начало, так и затянуло все громадным белесым облаком, словно с неба спустившимся. Раз – и не видать ни черта дальше собственной руки, вперед протянутой.

Конечно, в теории можно было заорать, позвать своих. Но то лишь в теории. Любому мальцу известно – голос в тумане искажается, поэтому доверять кажущемуся направлению звука в тумане нельзя. Пойдут товарищи на твой клич, а придут в лапы нею, которые вечно возле Кремля ошиваются. Или же, как вариант, сами обезьяны на ор прискачут раньше друзей. В общем, остается либо скрытно сидеть в развалинах, дожидаясь, когда туман рассеется, либо идти вперед, если представляешь, куда.

Федор представлял. И пошел, уверенный, что идет правильно в сторону крепости. Но туман коварен, словно живое, разумное существо. Проплутав некоторое время среди руин, дружинник оказался в совершенно незнакомом месте и понял, что заблудился окончательно.

– Вот ведь, етишкина жизнь! – вздохнул он, присаживаясь на обломок кирпичной стены. – Заплутал словно последний юнак. Кому Расскажи – стыда не оберешься...

– Керрова туча! – раздалось из тумана. – Проклятый туман! Не надоело?!

Федор пружинисто вскочил, автоматически принимая боевую стойку и выдергивая из ножен меч. Надоевший до коликов клич «не надоело?!» и рычащая манера речи могли принадлежать в этих местах лишь одному существу, встреча с которым не сулила ничего хорошего.

И точно. Из тумана показалась косматая фигура, сжимающая в лапе здоровенную дубину.

– Ёшкин дрын, нею! – сквозь стиснутые зубы пробормотал дружинник.

– Рренг меня заберри, хомо! – прорычал мутант, половчее перехватывая дубину.

Понятно, чем заканчиваются такие встречи. Похоже, нею тоже заблудился в тумане, потерял мохнатых друзей-товарищей, патрулирующих лагерь – что, впрочем, не должно было помешать заклятым врагам выяснить давние отношения.

Но помешал им не туман.

Внезапно слева раздалось многоголосое шипение, словно вскипела разом дюжина глиняных чайников.

Из мутной взвеси выполз громадный аспид – жуткого вида змеюка с несколькими головами, растущими из толстого тела. Такая туша и Федора, и нею сожрет – и не подавится.

Причем двигалась огромная змея на удивление проворно. Миг – и она уже возле нею, тот только-только успел дубиной отмахнуться от кучи разъявленных пастей с острыми, ядовитыми зубами.

Однако аспиды не удача не остановила. Две башки повисли на тонких шеях, оглушенные ударом, зато остальные принялись метко плевать в лохматого мутанта желто-зелеными слюнями. Теперь змеюка явно опасалась приближаться на расстояние удара дубиной, решив взять нею по-другому.

Ядовитая слюна, попадая на мех, мгновенно проедала его до самой кожи. Почувствовав боль, здоровяк заорал и скакнул вперед, намереваясь вправить аспиду и остальные мозги тоже. Но тот метнулся назад, попутно хлестнув хвостом и сбив с ног Федора. Так сказать, охотясь на большую добычу, не забываем о мелкой.

Другому бы такой удар как минимум сломал оба колена – но не тренированному дружиннику. Уйти от молниеносного хлеста было нереально, а вот смягчить оказалось возможно. Федор подпрыгнул, извернувшись в воздухе, словно кошка – и чешуйчатый хвост аспиды лишь скользнул живым рашпилем по ногам воина, превратив в лохмотья голенища новых сапог.

Но обувька – дело наживное, главное своя шкура цела. Хотя вопрос целости вышеупомянутой шкуры в ближайшие несколько мгновений может стать чисто риторическим. Исходя из чего, приземлился Федор уже воздев в замахе руку с мечом, которым и рубанул со всей силы по аспидовой спине.

Чешуя у мутанта была знатная, крепкая, что твоя кольчуга. Но и меч дружинника не золотари из турьего навоза слепили – как-никак, лучшие кузнецы Кремля постарались. С треском разломилась полукруглые пластины, обнажив розовую плоть и позвоночник с ребрами, похожими на человеческие. Меч лишь скользнул по крепким костям, не нанеся им вреда – вся основная сила удара ушла на разрубание чешуи.

Аспид дернулся, почувствовав боль. Все его головы развернулись в сторону Федора, готовясь харкнуть ядовитой слюной.

– Шарашкина ряшка! – рыкнул дружинник, понимая, что не уйти ему от синхронного плевка многоголовой твари. Он же не нео. На лицо или на руки капля яда попадет – и всё, до вечера не дожить, даже если пораженную конечность мечом оттяпать напрочь.

Однако плевка не случилось. Разозленный ожогами мохнатый мутант высоко подпрыгнул и обрушил дубину на то место, откуда росли все многочисленные шеи жуткой змеюки.

Аспиды аж к земле на мгновение припечатало с такого подарка. Мощный хвост твари дернулся с очевидной целью хлестнуть мохнатого оператора дубины... но и этого у змеюки не получилось. На ее хвосте словно на спине фенакодуса, плотно сжав коленями плоть мутанта, уже сидел Федор, раз за разом вонзая свой меч в открытую рану. Трескал позвоночник под ударами отточенной стали, крошились ребра и хлестала на землю вполне себе красная кровь, по цвету неотличимая от человеческой.

А нео, наступив лапой на основание шей, долбил дубиной по головам твари, ослабевшей от обильной кровопотери. Долбил до тех пор, пока последний череп аспиды не превратился в кашу.

Мутант несколько раз дернулся в агонии – и вдруг вытянулся, став похожим на длинное бревно, завернутое в змеиную шкуру.

– Вот так, Рренг меня поберри, – рыкнул нео, осторожно убирая лапищу с тела поверженного монстра. – А ты ничего, хомо, ррезвый.

– Ты тоже неплохо машешься, человекоподобный, – проговорил Федор, слезая с аспиды и не спеша прятать меч в ножны. Туман немного рассеялся, то ли от их возни с аспидом, то ли по естественным причинам, потому дружинник уже мог хорошо рассмотреть своего вероятного противника и прикинуть, как и куда бить в случае, если нео решит показать свою удаль во второй раз.

Но мохнатый мутант опустил дубину окровавленным концом на землю и рассмеялся, точь-в-точь как фенакодус хрипит, подавившись костью.

– Это я-то человекоподобный? – ржал нео. – Не, щас умррру от смеха. Это вы, хомо, похожи на Новых людей, словно говорррящие лысые куклы!

Федор спорить не стал. Пусть мохнатый обезьян потешается себе на здоровье. Это лучше, чем если он начнет пытаться попробовать доспех дружинника своей дубиной на

прочность. Тем более, что надо бы разорванные голенища ремешками подвязать на манер онуч, чтоб при ходьбе не болтались.

Чем он и занялся, пока не огнуло со смеху. По ходу, у того что-то произошло на нервной почве, и с людьми такое бывает после трудного боя. Вот и обезьяна пробило на похихикать. Ну и пусть. По хорошему, без него Федору туго пришлось бы супротив эдакой змеюки.

Закончив с сапогами, дружинник разогнулся и вздохнул полной грудью. Хреновато дышится в тумане, словно через подушку. А еще вдруг жрать захотелось нереально, прям желудок под кольчугой к позвоночнику прилип. Тоже, наверно, нервное. Дохтур в Кремле говорит, что когда всякие такие проявления после боя случаются, это оно самое и есть. Не о вон на поржать, а нас, значит, на пожрать... Да только в пояском кошеле ничего нет, кроме большого сухаря – не в дальний же поход собирались. Ну и вода во фляге. Хотя, конечно, таким завтраком не насытишься, только аппетит раззадоришь.

А не о хихикать перестал, почесал брюхо пятерней и высказался:

– Кушать охота однако.

«Ишь ты, культурный какой, кушать ему охота», – подумал Федор, а вслух сказал:

– Аналогично.

Это он у семинаристов хитрое слово подслушал, означало оно, мол, тоже жрать охота, сил нет.

Не о с волшебного слова слегка подвис, потом кивнул мохнатой башкой, мол, дошло, что в желаниях с лысой куклой совпадает.

– У аспиды мясо плохой, – сказал он. – Только на хребте место есть, там можно кушать, но жаррррить надо.

– Огонь есть, – сказал Федор, потряхнув мешочком с кресалом, кусочком кремня и трутом.

– Хоррошо, – оскалился не о. – Давай ррразделаем мутанта пррроклитого...

Через час они сидели друг напротив друга, уплетая за обе щеки ароматное, пахнущее дымом мясо и сплевывая в костер осколки аспидовой чешуи. Попутно Федор разломил надвое сухарь и протянул половинку не о. Тот взял как ни в чем не бывало, и от воды из фляги не отказался. И, что удивительно, свою долю живительной влаги влил в пасть аккуратнo, чтоб каждому досталось поровну.

Когда же завтрак был закончен, человек и мутант поднялись на ноги и одновременно усмехнулись, не веря, что произошедшее с ними вообще возможно.

– Ну, бывай, не о, – сказал Федор. – Туман рассеивается, теперь мы оба найдем дорогу домой.

– До встрррречи, хомо, – прорычал мутант.

– Нет уж, лучше прощай, – покачал головой дружинник. – Не дай Небесный Мечник, чтоб мы еще раз повстречались. Уж больно много кровавого туману между нашими племенами.

– Ты пррав, – кивнул не о. – Прррощай.

* * *

Федор нашел дорогу к красным стенам и никому не рассказал о странной встрече. Да и кто поверил бы, что человек и мутант могут мирно разделить завтрак возле костра? Даже за сказку б не прокатило. Скорее всего, покрутили бы люди у виска, мол, не иначе, дружинник в тумане споткнулся да темечком об камень приложился.

А на следующий день по ту сторону Форта встала стена другого тумана – плотного, слегка шевелящегося, какой ставят шамы, чтобы люди не знали, какое войско кроется за искусственной преградой.

Солнце перевалило полуденную точку, когда стена медленно двинулась к Кремлю. Ничего нового, очередной штурм, каких было много, и которые будут еще не раз, наверное, если удастся выстоять сегодня.

До стены оставалось не более одного полета стрелы, когда из тумана вынырнуло множество коренастых серых фигур, многие из которых тащили длинные приставные лестницы.

Дали залп лучники, зло грохнули аркебузы, затыкали одиночными редкие автоматы, привезенные издалека дружинником Данилой – стрелки отчаянно экономили патроны, стараясь, чтоб каждая пуля находила цель. И серые цели падали на землю, но их было слишком много...

Приставные лестницы легли на стены, и неоловки ползали вверх, с удивительным проворством перехватывая лапами грубые, неструганые перекладыны. Время стрельбы минуло, настала пора мечей, копий и засапожных ножей, так как в тесном рукопашном бою зачастую трудно как следует размахнуться что мечом, что копьем.

Федор стоял в первом ряду мечников, готовясь принять на клинок самого ловкого мутанта, ибо неоловки, как и люди, посылали на прорыв обороны наиболее смелых и сильных, за которыми в пробитую брешь пойдут остальные.

Дружинник уже видел мохнатую макушку и дубину, зажатую в зубах того самого первого неоловки. Видел, и приготовился ударить как только покажется широкая обезьянья морда – рубить по макушке опасно, лезвие может соскользнуть с крепкого черепа. Лучше уж ударить наверняка...

Он занес руку... и замер, затормозив удар на полпути. Морда, показавшаяся над верхней перекладной лестницы, была в мелких свежих оспинках, какие оставляет на дубленой шкуре ядовитая слюна аспида.

– Ты... – выдохнул дружинник.

У мутанта от неожиданности отвисла челюсть, и он едва успел поймать лапой дубину, выпавшую из пасти.

– Хомо... – прохрипел он.

Мгновение в скоротечном бою – это очень и очень много. И когда двое врагов вдруг ни с того ни с сего зависают, словно древние статуи, их товарищи очень быстро реагируют на нестандартную ситуацию.

– Федор, бей! – прорычал воевода, отбивающийся топором от «своего» неоловки, яростно пытавшегося пробить защиту возле соседнего зубца стены. – Бей, ёшкин дрын тебе в душу!!!

Позади затормозившего неоловки тоже послышался яростный рев – соплеменники мохнатого воина требовали того же, что и воевода от своего дружинника.

И они ударили. Одновременно. Так же, как день назад улыбнулись друг другу перед тем, как разойтись в разные стороны, очень надеясь на то, что им никогда больше не случится встретиться снова.

* * *

Туман был плотным, словно шамы очень постарались, наводя свою уникальную маскировку. Но в то же время это была не искусственная взвесь, поддерживаемая лысыми мутантами. Этот туман был живым. Он колыхался, расступаясь впереди и смыкаясь за спиной, и казалось, что он изучает путника, рассматривает, обнюхивает, как опытный торговец, принимающий дорогой товар.

– Вот ведь, етишкина жизнь, – с досадой проговорил Федор, глядя на окровавленный меч, зажатый в руке. – Кажись, всё, отвоевался.

Свободной рукой он расстегнул подбородочный ремень и скинул на серую траву шлем, смятый в лепешку страшным ударом.

– Прравильно, хомо, – раздался впереди хриплый донельзя, но все еще знакомый голос. – Больше он тебе не понадобится.

Из тумана вышел нео, поигрывая дубиной, покрытой как засохшей, так и совсем свежей кровью.

– Это Крррай вечной войны. Место, куда уходят мерртные после смеррти, и где враги вроде нас будут биться друг с другом вечно.

Федор посмотрел на грудь мутанта, разрубленную в области сердца... и усмехнулся.

– А оно тебе там, на земле, не надоело? – поинтересовался он.

Нео задумался на мгновение... и опустил дубину.

– Надоело, – признался он. – И кушать охота, будто и не умеррр.

– Аналогично, – сказал дружинник. – Поэтому есть предложение. Думаю, аспиды, погибшие в бою, тоже попадают сюда. Может, пойдём поищем нашего? Огниво, сухарь и вода у меня с собой.

– Ты пррав, хомо, – ощерился нео. – Кстати, хотел спрросить да забыл – кто такие Ёшка, Етишка и Шаррашка, которых все врремя поминает твой наррод?

– Национальные герои, – отмахнулся Федор. – Типа ваших Керра или Рренга, которых вы тоже постоянно вспоминаете когда надо, и когда не надо. Пошли что ли. По одиночке нам с аспидом не справиться.

– Это точно, – согласился нео.

Андрей Левицкий Путь к Богу

Я не умный. Я вести этот люд перед собой. Взять ему проволока руки крепко-крепко. Люд идти вяло, туда-сюда шатайся, вроде слабый и больной люд. Такая картина. Я его звать: Четырехглаз. Говорить: «Ты, Четырехглаз, иди резвей», и дубинкой в спину тык, тык! А он в ответ ругайсь, мне смешно, я смейсь.

Идти недолго-некоротко, через дикий лес. По дороге из-за дерева – осм выскочить и на нас как прыг! Я его дубиной в голову. Мерзка тварь! Вонюч, гадок осм. Хотел его сожрать, но не стал. Поспешать надо, до ночи к Горе прийти, ночь в лесу опасно даже для меня, сильный Дрым.

Лес кончайсь, и мы с Четырехглаз к Горе выходить. Пребольшая Гора, а в верхушке дыра-яма глубока, широка, в ней лагерь нео. Наибольший лагерь по всему Подмоскovie, где я, Дрым, поживаю.

Вкруг Горы пустырь. Там бочки ржавы, железяки с земли торчат, лужи воды, грязюка непомерна. И мины. Это нео с Горы мины делать. Если наступить или проволоку зацепить – большой бабах руки-ноги долой, голову долой, всё долой. Проволоки те зватьсья: рас-тяж-ки. Еще тут ямы, дыры, норы. Слыхал, под пустырем ватага мутов живет, каких больше нигде не видано. Зубастеры зватьсья, у них один самый старший большой мастер-зубастер – вождь подземной ватаги. Но не важно.

Только мы по пустырю идти, как навстречу трое нео из патруль-отряд. У двух копья остры, а у старшого – ружье. Он в меня ружьем – тык! – другие нео копьями – тык! – и старшой такое говорит:

– Ты куда это, дикий нео, люда ведешь?

– А это к вашему Большой Голове веду, – отвечаю доброзычливо.

Младший нео, такой верткий подлец, в меня снова копьём – тык! – и кричит тонко:

– Дай я дикаря прибью, старшой, он может шпион!

– Чей, Хруз? – пытается старшой. – Чей шпион может быть дикарь нео? С Кремля, что ль, шпион? Или может осмов шпион? Ты тупой совсем.

– А я не знаю! – кричит Хруз и копьём в люда – тык! – А его зачем ведет?

Четырехглаз ну давай шататься и стонать.

– Ты мне люда не порть, – говорю я Хрузу и к старшому снова: – Он старый люд просто. Видеть, шерсть на башке белый уже. Я слыхал, на Горе в лагере вашем есть великий Железный Бог. Шэмом звать. Правда ли?

– Тебе зачем, дикарь? – ворчит старшой.

– Хочу люда вашему наистаршому Большому Голове подарить. Чтоб жертва Шэму была, чтоб любил накрепко и вас, и меня полюбил. Всем польза: Богу польза, вам польза, мне польза. Только люду не польза. Как думаешь, за то наистаршой меня в вашу ватагу взять?

– А зачем ему? У нас в ватаге нео много сильных, боевитых.

– Ну, я побоевитей-то буду, – говорю.

– А ты откуда такой пришел, дикарь?! – снова кричит Хруз и снова в меня копьём тык!

– Докажи! – велит старшой.

Ладно, я тогда копьё у Хруза вырвать да об башку его сломать. Это толст копьё, крепок, но я его легко ломать. Хруз опритомнил чуток. Я тогда его хватить да как кинуть – далеко улететь, хорошо. К дождю, надясь. И правда сильный я нео очень.

Третий нео, который всё молчать, аж присесть с испуга и голову руками накрыть.

Старшой тогда ну в крик:

– Ах-ха! И правда, сильный дикарь! Раз так, Зап, веди его с людом до Большого Головы. Чую: будет сегодня знатный жрачь. А ты, Хруз, встань и сюда иди. За то, что дал дикарю копье сломать об свою дурну башку, будешь наказан сильно-больно.

Вот такая картина. Зап тогда вести нас с Четырехглаз в лагерь по склону Горы, тайной тропой. На склонах нео мины ставить, опасны проволоки-растяжки тянуть.

На Горе по самой верхотуринке стена идет большая. Ее предки людов строить издавна. В ней врата большеченные, но есть и дверь, нас в нее пустить. Люд всю дорогу молчать, Зап молчать, я молчать. Так и идти в великом молчании.

Глядеть я лагерь нео: ох и велик лагерь, ох и хорош! Там домищи стоят, тут кострищи горят. Нео толпами. Галдеж, шумлеж. А в центре лагерь – о-о-о! Сам Железный Бог!

Шэм как три люда высоты. Широкий-широкий. Первый раз глянешь: ну, вроде машина. Второй раз глянешь: как будто люд! Или не люд, а может нео... Или мехалюд? Стоит на двух ногах, и даже голова есть, только квадратная вся. И без шеи. Нео Его всего холстиной обмотать, всяко на Него повесить, на плечах Евонных ожерелье из черепов – красота! Грозность! Силища! Вокруг Шэма кругом земля потоптана и остры колья мне по пояс. В них калитка. Страшен Железный Бог, могуч. Люд мой как его увидеть – так прямо столб-столбом, встать и не шевелить, только ротей раскрыть.

В лагере на Горе много нео, всякие дела делать. Лежать спать, жрать, рыгать, за самка гоняться, детеньшей мутузить. Четырехглаз голова вертеть, глядеть во все стороны, бормотать. Нас подвести к большой плита. Тот плита из бетон. Бетон люд делать, нео не уметь. На плите стул-кресло, слышал, такой зовется: трон. Вокруг четыре высоких нео, у каждого ружье.

А на троне сам наистаршой Большой Голова сидит. Гляжу вот я на него и дивуюсь: до чего уродлив наистаршой, просто несказанно. Такой во сне явится – не проснешься. Голова у Головы огромная, как три моих. Не – как четыре! И в буграх вся. В бородавах непомерных. Хотя сам наистаршой невелик статью, мне по грудь будет.

А в руках у него ружье-автомат. Ох и вещь! Себе хочу такую, очень хочу.

Я на плиту залезть, Четырехглаза за собой втащить, под коленки его – шмяк! – он на колени упасть. Молчит.

– А чего четыре глаза у него? – пытается Большой Голова важно.

– А это, – говорю, – престаршой-наивеликий, у них бывает. Два глаза свои, а два приставные. Из стекла. Очки зуются. Какой люд плохо видит – тот очки на морде носит. Они ему помочь в зрячести.

– Любопытно! – говорит Большой Голова и манит рукой: – Поддай-ка очки мне, дикарь.

Телохранники, которые у трона столбычат, на меня глазами зырк-зырк: стерегут. Я с морды люда очки сымать и с поклоном Большому Голове даю. Тот взял, покрутил, на нос себе нахлобучил. Глазищами хлоп-хлоп. Да вдруг как рассвиреп, как сорвет очки, об бетон – хрясь! И сверху ножищей – раздавил. Люд мой аж задрожал весь и сморщился.

– Что с глазами моими?! – реветь Голова. – Почему... ах, уже нормально!

Я тогда вздохнуть с полегчением – телохранники на меня уже ружья наставили, мыслили, я вред какой хозяину нанести решил. Но – пустили. А наистаршой говорит:

– Как тебя звать, дикарь? Кто таков, откуда куда идешь, зачем люда притащил?

– Как есть – Дрым я, – говорю. – К тебе на Гору, наистаршой, шел. Люда в дар тебе вел. Хотел к Богу прийти. Прослышал, что Он у вас тут есть.

– Ах! – говорит. – Слышал? Знаешь ли, кто такой Бог?

– А это самый наипрестаршой.

– Правда. Пребольшой Нео, который Всё Создал. Вишь его? Шэм звать.

И он показать в сторону Железного Бога. Я Его, конечно, видеть уже, но тут снова глядеть и головой качать.

– Ой-ой, страшный Бог какой! Вы откуда знать, что живой он есть, а не просто так стоит?

За это престаршой мне по голове кулаком – грух! Я с ног упал, так и брыкнул возле трона.

– Ты, – говорит, – Дрым – тупой нео. Дикарь дикий. У Бога глаза ночами, бывает, горят. И гудит он иногда внутри у себя. Еще сам услышишь, коли жив будешь.

– Всё понял, – говорю. – А почему Шэм?

– Не знаем, – говорит. – На все воля божия. У Него на голове сбоку так написано.

– Мудрый ты, наистаршой, – говорю. – Сразу ясно, отчего наистаршим стал. А что вы хотите с моим людом делать?

– А что? – говорит. – Сожрем, конечно.

– Просто так сожрете?

– Не просто так. На огне сначала пожарим.

– Это правильно, – говорю, – но я-то хотел люда еще в жертва Шэму дать, чтоб добрый к нео был.

– Что за жертва? – удивляется Большой Голова. – Не люблю чего не знаю!

Я по сторонам глянуть, мозги набрячь. Я, нео Дрым, умный... Наистаршой грозно так глядеть, и я тогда пытаю быстрее:

– А если кто из нео твоих хочет от тебя добра, он что делать?

Тут Большой Голова наморщил своим бугры, подумал-подумал и говорит:

– Подарки тот мне дарит. Мясо или еще что. Патроны к автомату.

– Правильно. Чтоб Железный Бог любил нео и защищал, надо ему подарки. Зовется: жертва.

– А-а-а! – взревел тут наистаршой, да по ляжкам себя рушниками ка-ак хлопбыснет. – Это как если мут, мастер-зубастер, не хотим чтоб совался к нам на Гору – так мы крысопса ловим и на привязи возле норы его оставляем?

– Вроде того, – киваю, а сам в это время все на автомат гляжу, очень уж он мне люб. – Справная аналогия.

– Чего? – хмурится Большой. После он еще поразмыслил и пуще хмурится: – Не понять все же. Зубастер – то мут. Зверь. А Железный Бог – он Железный Бог. Шэм, одно слово. Нешто люда жрать станет? Да и нам тогда ничего не останется...

– Не-е, сожрать самим надо, – говорю. – А чтоб Бог почувал, что не просто так жрем, а во славу его жрем, костер надо у ног Бога зажечь. И дым от костра, от люда жарящегося, чтоб его оведал. Поймет Бог, что все для Бога, все для него...

Большой Голова почесал свой большой голова и говорит:

– А что! Может ты, Дрым, и не совсем дикий нео. Только люда твой, гляжу, тощий, костлявый.

– Не так уж тощий! – возражаю и Четырехглазу, который уже не Четырехглаз, щеку пальцами мну. – Есть мясо, хоть с виду и худ. Я люда возле Гиблого болота взял. Я там умею ходить. Там еда и патроны найти или другое что. Если в ватагу свою возьмешь, отведу.

– Это хорошо, дикарь, – говорит наистаршой. – Давно хотел экс-пе-дицию в Гиблое болото направить. Но там же, говорят, невидима смерть прячется.

– Есть такое дело, – соглашаюсь, – однако же я знаю, как с нею совладать.

– Хорошо же! Значит, будем жертву Железному Богу приносить и жрать. – Тут делает он знак телохранникам, и они разом с ружей своих в небо: бабах!

Люда мой от такого на бок – брык, и лежит неприятный. Гляжу: нео вокруг плиты собираются, шумят, толкутся. Наистаршой на трон скок, автоматом ну давай потрясать. И ревет:

– Эй, нео мои! Это есть бродяга Дрым, каковой отныне наш! Привел он в дар мне, в жертву Железному Богу, люда. Потому объявляю я ныне Большой Жор на Горе!

Тогда нео давай кричать и наистаршого славить.

А он приказывает костер у ног Железного Бога запалить. Нео стаскивать ветки, доски, запал всякий, но гляжу – в калитку за частокол вокруг Бога входят кланяючись, сторожко, с опасением. Костер разжигать большой и кланяючись задом обратно в калитку выходить. Железный Бог на них сверху глядеть грозно и на лице его железном спокойствие необразимое.

Пока костер гореть, нео вокруг частокола пляски делать. Корчить по-всякому, по земле катать, лбами об нее бить, прыгать и снова плясать. Так шумно, так тряско! Наистаршой же приказал трон совместно с собой с плиты снести и поближе к частоколу поставить. Люда моего куда-то утащить, я его не видать совсем.

– Садись вот туточки рядком, Дрым, – приказать Большой Голова. – Говори, чем промышлял, как житействовал. Хлебни вот браги из кувшина.

Я тогда давай брагу пить да наистаршому всяки байки говорить. Он слушать, кивать милостиво и на пляски нео глядеть. А я нет-нет да и брошу взгляд на автомат в руках его. Страсть как себе такой хочется!

Долго так длилось, темнеть уже стало. Костер прогореть. Только угли жаром пых-пых. И я гляжу: в голове у Железного Бога и правда что-то светить. Несильно так, почти не видать. Какая-то прореха в голове евонной, а даже и две, и сквозь них свет пробиваться. Любопытно! – думаю. Диоды там какие-то светятся, как Проф говорил?

Наистаршой знак делать, и тогда люда моего тащить на шесте. Двое нео с ним в калитку входить и класть на рогатины, что у костра торчат. Кланяться, кланяться – и взад идти.

– Щас дым от люда стопы Железного Бога овеет, – радуется Большой Голова. – И нашей ватаге удача придет необразимая.

– Ага, – киваю. А сам напрягся весь. И ноги под седалище подомкнул, готовлюсь к прыжку.

И вот, слушайте, что дальше было: когда два нео за колья ушли назад, люд мой разомкнул руки и шустро так с шеста – скок! И на Железного Бога ну давай лезть!

Что началось! Все в крик. В вопль. Большой Голова хватать автомат. А Четырехглаз по ноге Бога – ползть, ползть! – к брюху, где дверцу видать.

Наистаршой в него автомат целить, но я своей дубинкой по большой голове – стук! Да так сильно, что она возьми и тресни. Голова, не дубинка. Я автомат хватать и как стрельни! Длинно стрельни, наперво – по телохранникам, которые пьяны уже от браги совсем, а после по всем нео округ.

Сорвал с пояса престаршого ремень с сумой, где магазины к автомату, и ну к Богу бежать! Сквозь толпу, грозно крича, стреляя... труден путь к Богу. Через частокол – шашть, и дальше стремглав.

А Проф мой уже дверцу раскрыл и внутрь Бога влез.

И там, внутри Бога, что-то давай гудеть, звенеть. Сзади крики просто оглашены! А я на Бога прыг и ползти. Как до брюха долезть, внутрь гля – Проф висит в ремнях, ноги на железные ступки поставил, двигает ими, руки тоже двигает... И Бог вслед за ним движется! Потому что никакой он не Бог, конечно, а «Шагоход Экзоскелетный Многоцелевой».

– Дрым, извини, ты тут просто не поместишься, – сказал Проф.

Не помещусь, так не помещусь. Я тогда по боку ШЭМа – и на плечо его влез. А вокруг кричат, стреляют, пули по железу: цок, цок, цок.

ШЭМ широко шагает. Частокол ломал, нео тоже ломает, которые на пути. Совсем в лепешку их давит. Плечо широкое у него, как кровать. Только тверже. Я на плече удобно

разлегся, автомат зарядил и гашу нео вокруг без жалости. Не люблю я их, нео. Хоть и сам нео. Тупые они.

Вот дошли мы до врат, и тут слышу: внизу Проф ругается. Сквозь грохот его голос доносится:

– Заело! Неужели не выберемся?! Нет – левый манипулятор слушается! Держись там, я стреляю!

Тут ШЭМ левую руку подымает, а у нее в месте пальцев – пушка. ГРУХ! И нет ворот. Теперь легко идти можно. Вот идем. А со стены на плечо ко мне Хруз прыгает. Визжит так, кричит: «Ага, ты мне сразу не нравится!»

Ну, так и что, я ж не самка, чтоб всем нравиться. Он на меня дубинкой, а я ему – пяткой в брюхо. И на землю сбросил. ШЭМ на него едва не наступил, но Хруз – юркий подлец, вбок укатился, ускользнул.

Так и ушли с Горы. Нео вслед еще бежали недолго, без вожака они немного могут. К тому же ночь уже, нельзя на пустырь – там зубастеры ночью охотятся, опасно.

Ну, кому нельзя, а кому и можно. Вот нам с Профом – можно. Мы через пустырь гордо прошествовали, Проф даже пару раз из пушки стрельнул. Для остратки.

Потом стал кричать мне снизу:

– Не уверен, что до базы дойдем! Может зарядки не хватить!

Но все же хватило ее. На рассвете по Гиблому болоту прошли, а в самом его центре – база. Зброшенная, там мы со Профом живем. Сюда ни маркитанты, ни кремлевские – никто не ходит. Слишком место гиблое. А мы – и входим, и выходим... такие мы.

На базе много всего. Оружие, припасы. Раболатория. В ней Проф работает, а я больше за порядком слежу. Охраняю, охочусь. Хотя на базе припасов хватает в железных банках да и прочих, но я мясо пятнистых болотных крыжщеров очень уважаю.

Вот, поставили ШЭМа в ангар, что на минус-втором этаже, включили прожекторы ярко, обошли со всех сторон. Хорош братишка ШЭМ! Прожекторы и другое на базе от подземного источника работают, Проф говорит: он называется термальная станция.

Проф все руки потирает, радуется. Хотя и пожаловаться не забыл:

– Вот же, как ты крепко проволоку закрутил, Дрым. У меня кисти почти отнялись. И едва ее порвал. Лучше надкусывать надо было.

– Если б лучше – заметить могли, – говорю резонно.

– И очки жалко – дикарь забрал! Ладно, новые сделаю, линзы в лаборатории еще есть.

Ну, как тебе наш шагоход? Экспериментальная модель, в серийное производство они так и не пошли. Работу пушки ты видел, там еще огнемёт, только сейчас бак пустой. И еще циркулярная пила. В правом манипуляторе – выдвигная газовая горелка и пулемет. Даже патроны есть. Лентоприемник заело только, но с этим мы разберемся.

Я кивнул:

– Хорош Железный Бог. Ходок. Какой путь прошел – и всего за ночь. Цивилизация все ближе.

Про нее Проф мне давно рассказал. Он меня детенышем нашел на болотах и выходил. Воспитал. Теперь мы с ним оба цивилизацию восстанавливаем. Цивилизация – это когда много еды, много самок, всего много. И безопасно. Вот у нас на базе почти что цивилизация, только самок нет.

– Так что, – спрашиваю, – поможет нам ШЭМ цивилизацию восстановить?

Профессор мой пожал плечами:

– Он-то сам по себе не поможет, но вот технология... Это сила, Дрым. Она – настоящий бог. Вернее, богиня. А шагоход, одно из ее детищ. И в совокупности с другими технологиями, которые мы тут собираем... может, что-то у нас и получится с цивилизацией.

Это правда – собираем. А что еще делать? Людов жрать, нео стрелять... Это для тупых. А я, нео, умный. Поэтому за мной будущее, а не за всякими дикарями.